

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
КАНИКУЛЫ

ГЛАВА 1

Чемоданов было пять. Два из них Кузя тащил в одной руке, два — в другой, а последний, самый маленький, он старался зажимать под мышкой.

Но старания его были тщетны: чемодан все время вываливался и с грохотом падал на землю, привлекая взгляды пассажиров в аэропорту.

Хозяин степенно вышагивал впереди, постукивая тростью. После очередной аварии он оглянулся:

— Ну чего ты там копаешься? Через пятнадцать минут посадка.

— Ага. — Кузя подобрал чемодан и помчался следом. Наконец он увидел надпись:

«Зона досмотра багажа». Багаж — это чемоданы. Значит, здесь он от них избавится. Ура.

— Зачем столько вещей, а? — пробурчал он. — Ну что сюда можно было напихать...

— Тут мои выходные костюмы, все же мы едем в столицу. И твоя одежда тоже, между прочим.

Хозяин достал из кармана билеты и протянул их девушке за стойкой.

— Две мои рубашки и одни штаны, сменные. И все. А куда можно выходить в таком количестве костюмов? — Кузя похлопал по чемоданам и принялся загружать их на движущуюся ленту.

Колдун оглянулся и посмотрел на него:

— Я вообще не понимаю, почему ты предъявляешь претензии мне. Эти чемоданы собирала Маргарита.

— Эх... лучше бы она положила побольше еды.

— Кузя. Я буду очень тебе признателен, если ты прекратишь препираться. Нас покормят в самолете.

На борт они взяли всего один чемодан, самый маленький.

— Вы пассажиры элитного салона? — с улыбкой спросила молодая высокая девушка. Колдун подтвердил.

— Пройдите за мной.

Их провели куда-то почти к самому носу самолета. Кузя вертел головой по сторонам: все эти сиденья и круглые окна выглядели ужасно интересными. Наконец девушка отодвинула небольшую дверку и указала внутрь, пропуская их вперед.

За дверкой оказалась небольшая комнатка с двумя удобными на вид креслами, столиком и большим круглым окном.

— Ух ты! — Кузя кинулся к окну. — Все будет видно, да? Ну, когда полетим.

— Первый раз летите? — спросила девушка.

— На самолете? Ага! — Кузя повернулся к ней и увидел, как улыбка сползает с ее лица. И сразу же схватился за шею: ошейник выпал, и бортпроводница его заметила. Из-за этой дурацкой печати с орлом ошейник теперь не выдать за обычное украшение. Кузя спрятал цепочку под рубашку, встре-

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ

тился взглядом с хозяином и подавил в себе желание показать девушке клыки. Его очень забавляло, когда люди пугались. Вместо этого он приветливо улыбнулся и как можно дружелюбнее проговорил:

— Не бойтесь, я совершенно не кусаюсь. Правда, Гермес Аркадьевич?

— Правда. Можете не волноваться: он полностью под контролем.

Улыбка снова вернулась на лицо девушки и на этот раз не выглядела дежурной. Наоборот, глаза бортпроводницы засветились радостью.

— Вы — граф Гермес Аверин? Это же вы победили демона с Крестовского? И не дали сотням ужасных тварей уничтожить город? — Она посмотрела на Кузю: — А вы — тот самый див, который не ест людей?!

— Ага. — Кузя расплылся в довольной улыбке. — Это мы.

Хозяин только коротко кивнул.

— А можно... автограф? — Девушка пребывала в полном восторге. — И что вам принести?

— Чай без сахара, пожалуйста, — попросил хозяин, а Кузя добавил:

— А мне молока, зефир, пару бутербродов, лучше с мясом и...

— ...Просто принесите ему полный комплексный обед, — перебил его хозяин.

— Сейчас все принесу. — Девушка вышла за дверь.

— Это невыносимо просто. Теперь меня везде узнают, — пробормотал колдун и начал выклады-

вать из чемодана книги. Кузя увидел учебник по географии и вздохнул. В окно смотреть ему никто не даст.

— А что плохого? По-моему, быть в центре внимания — это здорово. Все тобой восхищаются, радуются. Еду вот приносят.

Колдун вздохнул:

— Знать бы, откуда журналисты про все пронохали... Кузя, ты не понимаешь. При нашей с тобой работе такая известность — совсем не хорошо. Вот смог бы ты внедриться к тем анархистам, если бы тебя все знали в лицо?

— Нет... Я об этом не подумал. Так-то вы правы, конечно. — Он подошел к столику и тоже стал рассматривать книги.

— Я надеюсь, что через год хотя бы эту историю забудут. А пока нам лучше лишний раз не привлекать внимания.

— Ага. Понял. — Кузя взял толстую книжку в блестящем кожаном переплете. На обложке золотым тиснением шли непонятные значки. Он открыл ее и полистал: все листы были испещрены непонятными значками.

— Я ничего не понимаю, — вздохнул он.

Колдун улыбнулся:

— Потому что это японский. Японские колдуны издревле вызывали дивов и достигли в этом очень впечатляющих результатов. Хотя прославились они на весь мир, к сожалению, не этим.

— А чем?

— Во время войны они использовали обряд под названием «нарака но мадо» — «окно в без-

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ

дну». Суть его была в том, что колдун пробирался в расположение вражеских войск и там вызывал дива, принося себя ему в жертву. Вырвавшийся из Пустоши демон учинял серьезный разгром.

— Ого. — Кузя еще раз полистал книжку. — Тут об этом написано?

— И об этом тоже.

— Обалдеть. У них, наверное, было очень много колдунов.

— Ну, вообще-то, для такого действия много ума и навыков не надо. Открыть коридор может любой третьекурсник, это тебе не привязать дива. Но ты прав. В конечном итоге ту войну они проиграли. Думаю, из-за такого глупого, хоть и наводящего ужас, расхода людей, владеющих колдовской силой. Колдуны — не самый быстро восстанавливаемый ресурс.

Кузя взял вторую книжку.

— О, а тут по-русски. И картинки! Можно мне ее почитать?

Хозяин задумался.

— Вообще... дивам нельзя читать книги по колдовству.

— А почему? — удивился Кузя.

— Вы и так намного нас превосходите. Вдруг еще научитесь чему-нибудь такому, что позволит вам стать еще сильнее? Но ты спас мне жизнь во многом благодаря тому, что знал некоторые колдовские техники. Поэтому, думаю, стоит забыть про некоторые... э... условности. Да и не то чтобы эту книгу можно назвать такой уж колдовской. Что написано на титульном листе?

— «Анатомия и физиология дивов первого класса». Это же я! — Кузя обрадовался. — Это про то, как я устроен, да?

— Да. Книгу написал мой отец, можешь читать. Но сначала географию. Ясно?

— Угу, — вздохнул Кузя.

В дверь постучали.

— Заходите, — сказал хозяин.

Вошла девушка с подносом, и в кабинке вкусно запахло.

Хозяин написал «С наилучшими пожеланиями» и расписался на странице журнала со своей фотографией, а Кузя нарисовал сердечко.

Аверин на дух не переносил официальные визиты вежливости, но положение обязывало. До награждения он должен был посетить огромное количество представителей столичной знати и выразить свое почтение: даже к бабушкиному знакомцу, прочащему ему место в министерстве, и то пришлось зайти.

Вернувшись вечером от князя Кантемирова, Аверин с облегчением избавился от очередного выходного костюма, взял халат и направился в ванную.

— Вот, видишь — а ты говоришь, одежды много. Еще и не хватит. После награждения второй такой же тур.

— Когда награждение? Завтра? — спросил Кузя, помогая хозяину забраться в ванну.

— Да. — Аверин включил воду, смывая с себя ароматы духов, цветов, ароматических масел и благовоний. Увлечение Китаем в столице цвело буйным

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ

цветом. — Подай мне шампунь и сделай нормальный человеческий чай, а то меня уже тошнит. И подготовь церемониальное одеяние на завтра.

— Ага. — Кузя вручил ему шампунь и прикрыл дверь.

Аверин выбрался из ванны самостоятельно, опираясь на трость, и сразу направился в столовую. В гостинице, где они остановились, столовая была не очень большой, но зато с огромным окном, открывающим отличный вид на Иртыш. Река была покрыта льдом, но выглядела довольно внушительно.

Чай оказался комфортной температуры и крепости. Или Кузя научился чувствовать желания хозяина, или запомнил, какой именно чай он любит. Аверин вспомнил первый заваренный Кузей чифирь и улыбнулся. Так, надо проверить у дива задание — тот должен был прочесть про основные реки Российской империи.

— Кузя, — позвал он. Но див ничего не ответил.

— Кузя, — повторил Аверин и заволновался. Отставив чай, он взял трость и вышел в гостиную. И сразу увидел Кузю. Див разложил на диване завтрашний парадный костюм, по протоколу положенный кавалеру ордена Андрея Первозванного, и замер возле него, уставившись на вещи с таким восторгом, будто узрел самое прекрасное в своей жизни.

Нет, посмотреть и правда было на что: изумрудно-зеленый бархатный плащ был подбит белой шелковой подкладкой, прилегающий к нему воротник из серебряной парчи украшен серебряными

же шнурами с кистями. Сам старинного покроя камзол из белой парчи был обшит золотым позументом. В довершение ко всему этому великолепию прилагалась шляпа из черного бархата, с белыми и красными перьями и Андреевским крестом, сделанным из голубой шелковой ленты.

— Впечатляет? — Сам Аверин смотрел на костюм с неподдельным ужасом.

— Не то слово... — Кузя, как замороженный, подошел к плащу и погладил бархат. — Обалдеть... Вы вот это все завтра наденете?

— Именно. А тебе придется помочь мне со всей этой... красотой разобраться. Потому что я не очень понимаю, как вообще это носить.

Но Кузя не обращал на его слова никакого внимания.

— Вот бы вы каждый день так одевались, — восхищенно произнес он.

Аверин оглядел костюм.

— Штаны ужасно мятые после перевозки. Сходи за нашей горничной, пусть все как следует отгладит. А потом расскажешь мне про реки.

— Ага, — согласился Кузя. — Я вам расскажу про Амур. Он офигенный.

Аверин вернулся в столовую.

Через некоторое время появился Кузя. Он просунул голову в дверь и громким шепотом произнес:

— Гермес Аркадьевич... она это... плачет.

— Что значит «плачет»? — нахмурился Аверин.

— Ну, рыдает. Сидит в своей комнате, закрыла лицо руками и ревет.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ

— Ну отлично. — Аверин покачал головой. — А рыдать в нерабочее время она не может? Пойди и приведи ее сюда.

— А вдруг у нее что-то болит?

— Спроси. И если болит — пусть идет к врачу, а нам предоставят другую горничную.

Спустя пару минут Кузя снова вернулся:

— У нее ничего не болит. У нее просто случилась беда. Но она все отгладит, не волнуйтесь. Уже пришла с утюгом. Так что? Мне рассказывать про Амур? Или вы не любите Китай? — улыбнулся див.

— Да... рассказывай... — рассеянно проговорил Аверин.

— Длина Амура от слияния рек Шилки и Аргуня составляет две тысячи восемьсот двадцать четыре километра. Главный российский город, стоящий на Амуре, — Хабаровск.

— Подожди. — Аверин остановил его и вышел в гостиную. Горничная, женщина примерно сорока лет, разложив возле стены гладильную доску, орудовала утюгом и громко всхлипывала.

— Так, стоп, это не работа. Поставь утюг и скажи, что у тебя случилось.

— Н-ничего, ваше сиятельство, все в порядке, — ответила горничная, но утюг поставила.

Аверин строго на нее взглянул:

— Я задал вопрос и хочу услышать на него ответ.

— Простите, ваше сиятельство, я больше не буду вас раздражать. Просто у меня дочка пропала. Понимаете? Но я...

— Что значит «пропала»? — Аверин нахмурился. — Сбежала? Сколько ей лет?

— Восемнадцать.

— Ясно. В полицию заявляла?

— Да... утром. Только не приняли заявление.

— По какой причине?

— Понимаете, какое дело... Ой, да что же это я вас отвлекаю...

— Как тебя зовут?

— Ирина.

— Послушай, Ирина. Сядь вот на этот стул, прекрати реветь и расскажи толком, что случилось. А я уже буду решать, отвлекаешь ты меня или нет.

Он сел на диван. Стоять по-прежнему было довольно тяжело.

— Хорошо, — начала она. — Моя дочка, Света, летом поехала в Петербург поступать в театральный. Мы с мужем накопили денег. Она поступила, училась, жила в общежитии и звонила каждый день. И вот сейчас она собиралась приехать на рождественские каникулы...

Женщина не удержалась и снова заплакала, но тут же взяла себя в руки.

— Простите. Она позвонила перед отъездом, сказала, что едет на вокзал. Вчера днем должна была быть дома. Я прихожу вечером — ее нет. Ну, решила, к подружкам пошла. Но и ночью она не появилась, и утром. Я и пошла в полицию. Мне там сказали, мол, загуляла ваша дочка на радостях. Или к парню своему побежала. А какой у нее парень? Ей восемнадцать всего!

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ

Этого Аверин комментировать не стал. Его первой девушке на момент их романа в Академии едва исполнилось шестнадцать, но она уже была объектом воздыханий не только всего своего факультета чародеев, но и половины колдунов.

— Так что же? Она так и не появилась?

— Нет, — всхлипнула женщина. — Я звонила вот недавно как раз. Нету ее дома. И подружки ничего не знают — муж им весь день названивает.

— А больницы? Обзванивали? Зима на улице, она упасть могла.

— Да, везде уже звонили, всю ночь звонили. Это первое, о чем мы подумали.

— Я понял. Сейчас поступим так. Иди домой, позвони в общежитие, узнай, точно ли дочь уезжала. А то, может, там и правда любовная история. И найди мне какие-то ее личные вещи. Принесешь завтра, если она так и не найдется. Будем искать твою дочь.

— Да... конечно, но... я не могу уйти, меня же уволят.

— Скажи, что я тебя с поручением отправил. И пусть мне другую горничную пришлют.

— Хорошо... спаси вас Бог, ваше сиятельство!

— Благодарить будешь, когда дочь найдем. — Аверин махнул рукой, показывая, что она может идти.

Горничная низко поклонилась и скрылась за дверью.

— Кузя, помоги мне. — Он протянул диву руку. — Эти диваны — просто пытка какая-то. Ну, что думаешь?

– Если девушка пропала, то это плохо, – глубокомысленно изрек Кузя, помогая хозяину встать.

– Согласен, что хорошего-то. Не люблю, когда люди пропадают. Особенно студенты из других городов. Очень часто это значит...

– ...что их съели, – закончил за него Кузя с радостной улыбкой.

– Ты находишь это забавным? – поднял брови Аверин.

– А... нет. Я просто обрадовался, что мы... хорошая связь.

– Это другое дело. Ладно, об этом подумаем позже. Нужно идти спать: завтра тяжелый день.

Церемония, на удивление, оказалась не очень утомительной, гораздо тяжелее Аверин перенес процесс перемещения из гостиницы в императорский дворец. Разумеется, за ним прислали автомобиль из дворцового автопарка, куда и усадили со всеми почестями, но, пока он добирался от гостиницы до спальной двери, казалось, на него пришла поглазеть половина Омска. На выходе из гостиницы его встретили вспышки фотоаппаратов, приветственные крики и несколько букетов цветов. Даже для столичных жителей награждение было событием.

Если бы не Кузя, Аверин ни за что бы не согласился на подобную экзекуцию. Но выбора не было. Месяц назад он направил прошение на высочайшее имя о разрешении обзавестись фамильяром, и сейчас, в совершенно нелепом костюме, он ехал во дворец за главным – получить ответ. Да, сомнительно, что ему откажут, но уверен он будет, только

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ

когда получит на руки документ, подписанный лично императором.

Внутри дворец оказался довольно стильным, без вычурностей. Аверина сопровождали в просторный церемониальный зал, где уже собрались все официальные лица, даже митрополит.

Его императорское величество появился довольно быстро, ждать почти не пришлось. Одет он был традиционно, но без особого шика и блеска. Аверин подошел, и император протянул руку для рукопожатия. На его лице появилась улыбка, одновременно приветливая и ободряющая: похоже, он понимал, как неловко сейчас себя чувствует награждаемый граф. Заиграла торжественная музыка, Аверину поднесли орден, помогли надеть, поздравили, и действие наконец закончилось.

Выйдя из зала, он устало прислонился к стене. Да, все длилось недолго, но нога уже успела разболеться, а никакие диваны или кресла поблизости предусмотрены не были. Аверин видел что-то подобное на первом этаже, но туда надо еще добраться.

Кузи очень не хватало. Его Аверин оставил в номере, велел ждать горничную с новостями о дочке. Хорошо бы, если б девчонка нашлась.

— Ваше сиятельство? — Лакей в светлом костюме вежливо поклонился. — Прошу пройти со мной. Государь Император желает побеседовать с вами.

Вот это было неожиданно. Аверин вздохнул. Он был уверен, что сейчас сможет отправиться в гостиницу и отдохнуть, но личная встреча с его величеством — тоже очень неплохо.

— Конечно, — он склонил голову, показывая, что готов следовать за лакеем.

Тот привел его к двери в какую-то комнату и с поклоном открыл ее.

В комнате стояли два дивана, три кресла и небольшой стол между ними, на котором уже ждали расставленные легкие закуски и графин с чем-то темно-красным.

— Прошу, — сказал лакей и, когда Аверин вошел, тут же прикрыл за ним дверь.

Его величество появился спустя пару минут: он уже успел переодеться в современный темно-синий костюм с белой рубашкой и черным шелковым галстуком.

— Прошу, садитесь, Гермес Аркадьевич. — Император махнул рукой в сторону дивана. — Думаю, вас не меньше моего утомила эта церемония. Увы, к сожалению, не могу вам предложить переодеться из этого старомодного кошмара во что-нибудь более пристойное, — указал он на одеяния Аверина.

— Благодарю, ваше величество. — Аверин поклонился и сел на указанный диван. Император расположился напротив.

— А у вас тут довольно скромно. Никаких излишеств, вычурности и роскоши.

— Ну, мы же не в средневековье, — улыбнулся император и коснулся графина: — Не желаете выпить? Вишневая наливка, местное производство, очень хорошая.

— Благодарю. Но только если совсем немного. Мне пока врач запрещает алкоголь.

— О, конечно. Я и сам почти не пью.